

Н. А. Кобзев

●

Критика о творчестве А. Грина при жизни писателя

Творчество А. С. Грина представляет собой самобытнейшее явление в русской литературе первой трети XX века. Со времени появления ранних произведений писателя и до наших дней, т. е. в общей сложности за шесть десятилетий, о нем высказано и написано так много противоречивого, что существует настоятельная необходимость разобраться в этом специально, привести существующий хаос разнородных мнений в какой-то порядок, проследить, как литературная критика вышла из сгруппированного круга представлений о творческом методе художника и пришла, наконец, к позитивным заключениям.

В этом смысле эволюцию критической мысли о творчестве А. Грина нам кажется наиболее целесообразным, в известной мере условно, разделить на такие четыре периода: дооктябрьский, 20—30-е годы, 50-е годы и последнее десятилетие.

Эта периодизация дает возможность проследить отношение к творчеству писателя на конкретно-исторических этапах, выявить доминирующие начала, наметить истоки объективного анализа, проставить основные вехи на большом и сложном пути критической мысли.

Как же воспринимала творчество А. Грина дореволюционная критика?

Михаил Слонимский пишет об этом следующее: «Имя Александра Грина звучало в дореволюционной литературе отдельно от всех школ и течений... звучало дико и неприютно, как имя странного и очень одинокого создателя нереальных, только в воображении автора живущих людей и стран... Грин был оттеснен в мелкие журналы, требующие «сюжетной литературы», он получал премии на конкурсах бульварной «Биржевки». Негласно было решено, что серьезных проблем этот писатель не ставит...»¹.

В письме издателю В. С. Миролюбову в конце 1913 г. А. Грин с горечью признавался: «...Мне трудно. Нехотя, против воли, признают меня российские журналы и критики; чужд я им, странен и неприутичен...»

Но так как для меня перед лицом искусства нет ничего большего (в литературе) — чем, оно, то я и не думаю уступать требованиям

---

¹ Мих. Слонимский. Книга воспоминаний. М.—Л., «Советский писатель», 1966, стр. 89—90.

тенденциозным, жестоким более, чем средневековая инквизиция. Иначе нет смысла заниматься любимым делом»².

Цитируемые слова М. Слонимского и самого А. С. Грина убедительно воспроизводят общую атмосферу, окружавшую творчество писателя, вплоть до Октября. В ту пору новеллистика А. Грина вызывала у рецензентов прежде всего желание рассматривать писателя как экзотическое, чуждое на ниве российской словесности растение. Вместо объективного исследования своеобразного эстетического явления критика погружалась в поиски несущественных «параллелей» и поверхностных «производных».

«Главным недостатком Грина является своеобразное содержание его произведений (...) Невольно вспоминается Майн Рид, Фильдинг, Купер, Брет Гарт, Джек Лондон (...) Где и в какое время живут и действуют герои Грина, совершенно неизвестно и непонятно»³.

«Язык Грина частью является имитацией языка иностранных писателей... частью же это язык не совсем грамотного в литературном отношении беллетриста»⁴. «Он похитил из английской литературы совершенно чуждые нам темы, необычную для нас обстановку, малопривычные нам героев»⁵.

Одни критики, видевшие в А. Грине эпигона западной авантюрной беллетристики, с большими оговорками признавали в нем автора исключительно «экзотических» рассказов. Но когда он выходил «за пределы облюбованного им круга тем и давал типично русские сюжеты», тогда он переставал «быть Грином и терялся в общей массе русских беллетристов»⁶, — утверждал Степанович.

Другие рецензенты говорили прямо противоположное: «Там, где Грин прост и не «экзотичен», там он правдив и занятен»⁷.

Третьи, подчеркивая влияние «иноземных мастеров слова» и находя, что «под ворохом этих влияний трудно уловить что-либо самостоятельное», с заметным удовлетворением видели (как им этого хотелось) в А. Грине художника «асоциального» и считали, что его «невинные фантазии несравненно благороднее, чем литературное обсасывание событий, от которых пахнет еще не остывшей кровью и веет духом трагического героизма»⁸. Они находили авторскую позицию «благородной», разумеется, по отношению к существующему строю.

Раздавались голоса и о том, что А. Грин не может дать ничего другого, кроме легкого и занимательного чтения «на пароходах и железных дорогах». Более того, писателя считали чужим, не имеющим «внутренних связей с литературой», «фокусником».

При незначительных расхождениях в оценке всех этих критиков объединяет одно общее мнение: А. Грин — новоявленный эпигон и стилизатор.

Именно тогда начали возникать в литературной среде легенды о писателе. За ним надолго закрепились ярлыки: «русский Эдгар По», «русский Джек Лондон», «русский Джозеф Конрад».

Критика отказывала А. Грину в творческой оригинальности и относила его к авторам второсортной авантюрной литературы.

² ЦГАЛИ, А. С. Грин, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 189; л. 19.

³ Н... А. Грин. Пролет бурь. — «Современный мир», 1913, № 6, стр. 273—274.

⁴ Арский. А. С. Грин. Рассказы. — «Наш журнал», 1910, № 3, стр. 14.

⁵ С. Степанович. А. Грин. Позорный столб. — «Новая жизнь», Пг.—М., 1914, март, стр. 152.

⁶ Там же, стр. 153.

⁷ Арский. А. С. Грин. Рассказы. — «Наш журнал», 1910, № 3, стр. 15.

⁸ См. рец. без подписи: А. Грин. Загадочные истории. — «Бюллетени литературы и жизни», 1915—1916, № 21—22, стр. 415.

Правда, уже тогда появились отдельные статьи, в которых романтизм писателя нашел объективную оценку.

В 1910 г. А. Горнфельд пересматривает бытующее мнение об А. Грине как «авантюрном писателе» и подражателе Брета Гарта, Киплинга или Э. По. Романтический мир художника — «это не подделка и не внешняя стилизация: это свое... Новой жизни ищет Тарт. Все герои ищут ее... Грин по преимуществу поэт напряженной жизни... Он хочет говорить только о важном, о главном, о роковом не в быту, а в душе человеческой»⁹. В этой статье впервые в критике появляются указания на общечеловеческий характер творчества романтика, предпринимаются первые попытки выявить центральные творческие установки художника, подчеркивается своеобразная «реалистичность» его эстетического мира.

Спустя несколько лет во второй статье об А. Грине Горнфельд напишет: «Грин незаурядная фигура в нашей беллетристике. Грин все-таки не подражатель Э. По... Он самостоятелен более, чем многие пишущие заурядные реалистические рассказы... Грин был бы Грином, если бы и не было Эдгара По»¹⁰.

Другой литературный критик Лев Войтоловский увидел в А. Грине, прежде всего, «лицо неподдельного таланта». Противопоставляя творчество писателя романтизму разлагающейся буржуазной литературы, критик пишет: «Романтика декаданса — вся тупая, холодная, без энтузиазма и без романтического пафоса, давно осмеянная у немцев под именем швабской школы, и сплошь состоящая из приведений и трупов и еще более из трупного запаха.

У Грина романтизм другого сорта. Он сродни романтизму Горького»¹¹. В отличие от необъективной критики, не желавшей видеть в А. Грине русского писателя, Л. Войтоловский указывает на прямую связь творчества романтика с российской действительностью: «Он весь создание нашей жизни, и, быть может, он один из наиболее чутких ее поэтов. Он как будто постоянно присутствовал там, где разбивались и пенились самые бурные волны минувших событий, и их неумолкающий грохот тайно живет в его душе и сообщил его стилю тот энергичный тон, которым дышат все лучшие страницы его рассказов»¹². Уже тогда Л. Войтоловский ощутил устремленность А. Грина в будущее: «Грин — поэт напряженной жизни, еще не нашедшей приложение, дух беспокойства, еще не воплощенного в жизни»...¹³

С течением времени отмеченная Л. Войтоловским связь А. Грина с эпохой не порывается, а, напротив, укрепляется. Это и дало Е. Колтоновской право в 1912 г. сказать: «Когда я читаю занимательные рассказы Грина... я испытываю совершенно особенное, жуткое наслаждение... Это подлинное ощущение современности, как бы трепета окружающей жизни»¹⁴.

Таким образом, романтические произведения писателя были еще до революции высоко оценены прогрессивной критикой. Но, как уже отмечалось, общая неблагоприятная атмосфера вокруг имени А. Грина оставалась господствующей вплоть до Октября.

⁹ А. Горнфельд А. С. Грин. Рассказы, т. 1. — «Русское богатство», 1910. № 3, стр. 145, 147.

¹⁰ А. Горнфельд А. Грин. Искатель приключений. — «Русское богатство», 1917, № 6—7, стр. 281.

¹¹ Л. Войтоловский. Литературные силуэты. А. С. Грин. — «Киевская мысль», 24 июня 1910 г.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Е. Колтоновская. Критические этюды. СПб, «Просвещение», 1912, стр. 190.

Революция внесла существенные перемены в творчество романтика. Тот Грин, которого мы знаем по «Алым парусам», «Бегущей по волнам», «Кораблям в Лиссе», был, собственно говоря, и рожден первым социалистическим десятилетием. 20-е годы стали для него самым плодотворным периодом творчества.

Первые крупные произведения А. Грина («Алые паруса», «Блистающий мир») нашли в литературной критике положительную оценку. Имя автора рекомендовалось читателю как имя «одного из самых интересных наших прозаиков», герои которого — это «герои планет, они всюду». Революция изменила облик писателя. Старое, дореволюционное в его творчестве «подменяется глубоким тоном к миру», и описание художника «уходит от эффектов и трюков... к искусству», — говорит Сергей Бобров в рецензии на «Алые паруса»¹⁵. «Грин возвращает нас к романтике нашей юности, заставляя воспринимать творческую фантазию, как должно»¹⁶. Как большое достижение писателя отмечалось его умение сообщать «феерическому волшебству», т. е. выдумке, глубокое правдоподобие.

Давая общую высокую оценку «Блистающему миру», Д. Шепеленко подчеркивает то новое, что активно вступило в творчество А. Грина после Октября, а именно — его социальность, откровенную антибуржуазную направленность¹⁷. «Свобода и высота внушают непреодолимый страх низменной буржуазной психологии»¹⁸. Философию первого романа писателя критик видит в жажде «максимального света для порабощенного человечества». Мироощущение художника, по мнению автора статьи, преисполнено «музыкальной бодрости». «Не к мертвому созерцанию, а к радостному неустанному труду призывает нас «Блистающий мир» Грина»¹⁹.

В 1923 г. две рецензии на произведения А. Грина пишет К. Локс. В первой²⁰ он делает попытку приблизить А. Грина к творческой манере Джека Лондона. Вторая статья²¹ уже более объективна. В ней автор указывает на своеобразие и новизну гриновского романтизма, останавливается на особенностях стиля писателя, отмечает необычайную конкретность изображения, четкость образов, умелое владение сюжетом.

Попытку дать объективное истолкование творческой манеры А. Грина предпринимает и Я. Фрид. Правда, он все еще выводит творческую «родословную» романтика из западной литературы, но уже отмечает большие заслуги в русской литературе и самого писателя, под пером которого «приключенческий роман и новелла входят в нашу «большую», не бульварную, литературу, где раньше места для них не было»²². Я. Фрид первый в 20-е годы обращает внимание на такую черту романтического творчества А. Грина, как психологизм.

Но параллельно с этим формировалось и другое отношение к писателю. «Алые паруса» некоторые рецензенты называли «паточной феерией»²³, исполненной «слащавой романтичностью»²⁴. А начиная

¹⁵ С. Бобров. А. С. Грин. Алые паруса. — «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 261—262.

¹⁶ Н. Ашукин. А. С. Грин. Алые паруса. — «Россия», 1923, № 5, стр. 31.

¹⁷ Протест против мира своекорыстия носил в дооктябрьском творчестве А. Грина менее явные романтические формы.

¹⁸ Д. Шепеленко. А. Грин. Блистающий мир. Роман. — «Пролетарий связи», 1924, № 23—24, стр. 1032.

¹⁹ Там же.

²⁰ К. Локс. А. С. Грин. Рассказы. — «Книгоноша», 1923, № 14, стр. 8.

²¹ К. Локс. А. С. Грин. — «Печать и революция», 1923, № 5, стр. 296.

²² Я. Фрид. А. Грин. Гладиаторы. — «Новый мир», 1926, № 1, стр. 187.

²³ А. С. Шучье веленье. — Еженедельник «Красной газеты», 1923, № 4, стр. 15.

²⁴ А. Свентицкий. А. С. Грин. Сердце пустыни. — «Красный журнал для всех», 1924, № 6, стр. 481.

с 1924 г., т. е. со времени решительного наступления напостовцев на непролетарских писателей, именуемых «попутчиками», отношение критики к творчеству А. Грина заметно переменялось.

В рецензиях подчеркивалось, что стиль А. Грина — это стиль «под перевод»: «по сюжету и по языку особенно писания его кажутся переводными»²⁵; «Грин стилизует свое творчество по западным образцам»²⁶. Писателя называют «талантливым эпигоном» Гофмана, Э. По и английских авантюрно-фантастических беллетристов.

К обвинениям А. Грина в несамостоятельности в середине 20-х годов прибавились обвинения в несовременности. Очевидна тенденциозность этих обвинений: «...то, что было терпимо до Октября, стало совершенно несносно в наше время»²⁷. «До сих пор, читая Грина, не приходилось думать о том, в какое время живут описываемые им люди»²⁸, а теперь критики, отдавая должное высокому мастерству писателя, единодушно стали упрекать его в «полной оторванности от запросов современности» (Придорогин²⁹, Динамов³⁰, Шишов³¹ и др.). Упреки критики в несовременности, продолжавшиеся вплоть до 1932 г., т. е. до смерти писателя, были явно несостоятельны, ибо исходили из предвзятых требований и совершенно игнорировали творческие принципы романтика, нарушая известную мудрость: судить художника необходимо по законам, им самим над собою признанным (А. С. Пушкин).

По мере усиления ошибочных тенденций в руководстве РАПП литературным процессом необъективные обвинения писателей нереалистического направления усилились. Упреки в несовременности, во «вневременности» гриновских героев стали сочетаться с отрицательной оценкой «социальной эквивалента» его творчества. Критики обнаружили не просто «асоциальную сущность»³² творчества А. Грина, — они увидели в нем открытого «апологета... асоциальности»³³. Более того, кое-кому эти упреки показались слабыми, и они пошли дальше: «субъективно «антисоциальный», бесклассовый писатель (А. Грин. — Н. К.) объективно является проводником буржуазной идеологии, ибо «чистой фантастики» не бывает»³⁴. «Попутчик» А. Грин становится выгодной мишенью, на которой оттачивали свои эстетические постулаты рапповские теоретики.

Идеологические нападки на творчество А. Грина усилились еще более в пору, предшествовавшую первой дискуссии о романтизме и во время самой дискуссии. В романтическом направлении ранней советской литературы утверждались те качества романтизма, которые выделял А. Блок в 1919 г. в статье «О романтизме»: возвышенное, «праздничное

²⁵ См. рец. без подписи: А. С. Грин. Блистающий мир. — «Книга о книгах», 1924, № 7—8, стр. 64.

²⁶ В. Шишов. А. С. Грин. Дорога никуда. — «Книга и революция», 1930, № 2, стр. 41.

²⁷ Г. Лелевич. А. Грин. На облачном берегу. — «Печать и революция», 1925, № 7, стр. 270.

²⁸ В. А. А. Грин. Гладнаторы. — «Известия», 12 ноября 1925 г.

²⁹ А. Придорогин. А. Грин. На облачном берегу. — «Книгоноша», 1925, № 21, стр. 18.

³⁰ С. Д. Динамов. А. Грин. Сокровище африканских гор. Роман. — «Книгоноша», 1925, № 35, стр. 19.

³¹ В. Шишов. А. С. Грин. Дорога никуда. — «Книга и революция», 1930, № 2, стр. 41.

³² И. Иринов. А. С. Грин. Огонь и вода. — «Книга и революция», 1929, № 23, стр. 54—55.

³³ Там же.

³⁴ С. Динамов. А. Грин. Сокровище африканских гор. Роман. — «Книгоноша», 1925, № 35, стр. 19.

отношение к жизни», «которое превосходит наше ежедневное отношение», «чувство неизведанной дали», «жадное стремление к жизни»; жажда «жить с удесятеренной силой»³⁵.

В литературной теории в рассматриваемую эпоху существовали различные точки зрения на романтизм. М. Горький видел в романтизме «два резко различных направления», для определения которых он употребляет термины «активный» и «пассивный». Активный романтизм «стремится усилить волю человека к жизни», пассивный, напротив, «пытается или примирить человека с действительностью, прикрашивая ее, или же ствлять от действительности к бесплодному углублению в свой внутренний мир»³⁶.

А. Луначарский, отмечая в романтизме революционные и реакционные тенденции, находил возможным существование в советской литературе «социалистического романтизма»³⁷.

А. И. Белецкий усматривал сущность романтизма прежде всего «в самом стиле», а здесь «основной чертой» признавал «поиски живописности»³⁸.

Героическую романтику провозглашали пролетарские поэты литературной группы «Кузница».

Но определяющими в то время были теоретические воззрения рапповцев. Теоретики РАПП взяли установку на «ниспровержение романтизма», который отождествлялся ими с идеализмом. В речи на пленуме РАПП в сентябре 1929 г. с громким названием «Долой Шиллера!» А. Фадеев говорил, что «метод пролетарского реализма», который «не может быть ничем, кроме как применением метода диалектического материализма в художественном творчестве... не нуждается ни в каких романтических примесях, наоборот, он в корне враждебен им»³⁹.

А. Фадеев утверждал в то время, что литературе свойственны «два основных течения — идеалистическое (т. е. романтическое. — Н. К.) и реалистическое». «Дихотомическое» членение понятия «творческий метод» привело рапповских теоретиков к полному отрицанию романтизма. В нем они усматривали метод лакировки и мистифицирования действительности.

Естественно, что в такой обстановке атаки на русского «иностранца» (хотя и «наиболее талантливого»⁴⁰), «безнадёжно далекого от... современности», упорно отстаивающего свои романтические принципы постижения мира, усилились.

Критикам открылась вдруг некая «буржуазная природа»⁴¹ гриновского творчества. Статьи наполняются предостережениями об идеологической вредности произведений писателя («попытки Грина встать на «беспочву» кончаются тем, что он попадает в настоящее болото буржуазной идеологии»⁴²) и предложениями ограждать от их влияния мо-

³⁵ Александр Блок. Собрание сочинений, т. 12, Л., 1936, стр. 171.

³⁶ М. Горький. Собрание сочинений в 30-ти томах, т. 24, М., Гослитиздат, стр. 471.

³⁷ А. В. Луначарский. Социалистический романтизм. — «Советский театр», 1933, № 2—3.

³⁸ А. И. Белецкий. Очередные вопросы изучения русского романтизма. — «Русский романтизм». Сб. статей под ред. А. И. Белецкого, Л., 1927, стр. 5.

³⁹ А. Фадеев. За тридцать лет. М., «Советский писатель», 1957, стр. 69.

⁴⁰ А. л. М. Никудышная дорога. — «Сибирские огни», 1930, № 7, стр. 124.

⁴¹ И. Ипполит. А. С. Грин. Дорога никуда. — «Красная новь», 1930, № 6, стр. 202.

⁴² С. Динамов. Современная авантюрная литература. — «Красное студенчество», 1926, № 2, стр. 76.

лодежь (роман «Сокровище африканских гор» не может быть рекомендован молодежи «по идеологическим соображениям»⁴³).

Самым нсвым было обвинение А. Грина в мистицизме: поскольку романтик, то идеалист, а раз идеалист, значит мистик. «Таинственные предчувствия, мистические прозрения, загадочные чудеса, — вот чем переполнена книга Грина»⁴⁴. В 1929 г. И. Иринов называет А. Грина «апологетом мистицизма». Художественный мир писателя, развивает свою мысль рецензент, «темен и загадочен, полон невыразимого, непознаваемого». Романтик якобы утверждает, что «ходом вещей и людских поступков» управляют «таинственные, не поддающиеся учету трезвого сознания, механизмы». Читатель встретит в произведениях А. Грина «тайнства перевоплощений, вещи, замещающие дух отсутствующих; сверхъестественные силы, двигающие людьми», «вмешательство велений рока»⁴⁵.

После выступлений такого рода в «Красном библиотекаре» в библиографической рубрике «Книги, не рекомендуемые для массовых библиотек» оказался и роман писателя «Бегущая по волнам». Мотивы: «роман умело построен, но насквозь мистичен»⁴⁶.

В связи с активизировавшимися нападками на идейно-тематическую сторону творчества А. Грина появились статьи, в которых стало подвергаться сомнению и мастерство художника. Если в середине 20-х годов писателя считали «талантливым эпигоном», то теперь начали обвинять в подражании плохому переводному стилю. Язык романа «Дорога никуда» рецензент Ал. М. называет «сознательным подражанием очень плохим переводам», «пародией на стиль переводчиков, не владеющих ни языком подлинника, ни русским языком»⁴⁷. А роман в целом охарактеризован автором статьи как «откровенная халтура». Более того, в статье «Встреча автора со своим героем» Ганс Сакс назвал все творчество А. Грина «двадцатитрехлетним бредом»⁴⁸.

Многие статьи 20-х годов свидетельствуют о том, что рецензенты плохо ориентировались в творческой биографии писателя. Так, например, А. Палей относит рассказы из жизни эсеров, написанные А. Грином в самый ранний период творчества, к новейшим произведениям, созданным художником на восьмом году Октября. А Вайсброд, не замечая своей сплснности, предлагает даже определение «новой» тематике в творчестве писателя: «революционно-авантюрный уклон»⁴⁹.

Вполне понятно, что тут уже не до критической объективности.

В такой атмосфере писать А. Грину становилось все более трудно. В издательствах и редакциях журналов от его произведений отказывались. Каждая вещь, прежде чем пойти в печать, подвергалась затяжному обсуждению. Об этом свидетельствует сохранившееся в архиве писателя письмо Евгения Шварца к А. Грину (дата не указана, но, судя по другим письмам, это примерно 1927—1928 годы). Е. Шварц просит у автора прощения за задержку какого-то рассказа, подчеркивая, что он вызвал «бесконечную дискуссию». «Часть редакционной

⁴³ С. Динамов. А. Грин. Сокровище африканских гор. — «Книгоноша», 1925, № 35, стр. 19.

⁴⁴ Г. Лелевич. А. Грин. На облачном берегу. — «Печать и революция», 1925, № 7, стр. 270.

⁴⁵ И. Иринов. А. Грин. Огонь и вода. — «Книга и революция», 1929, № 23, стр. 54—55.

⁴⁶ «Красный библиотекарь», 1929, № 1, стр. 82.

⁴⁷ Ал. М. Никудышня дорога. — «Сибирские огни», 1930, № 7, стр. 124.

⁴⁸ Ганс Сакс. Встреча автора со своим героем. — «Красная газета», 29 июня 1929 г. (вечерний выпуск), стр. 3.

⁴⁹ А. Вайсброд. А. С. Грин. История одного убийства. Рассказы. — «Книгоноша» 1926, № 35, стр. 27—28.

коллегии возражает против Вашего рассказа по причинам педагогического характера. Часть за рассказ»⁵⁰. Сказочник Е. Шварц хорошо понимал А. Грина, ибо сам в эти годы испытывал интенсивный натиск педологов, атаковавших художественную литературу для детей, стремившихся изжить сказку как литературный жанр. Все, способное помочь детям образно мыслить, сурово осуждалось и отвергалось педологами.

В августе 1930 г. А. Грин жалуется в письме М. Горькому на трудность издания своих книг, говорит, что его не печатают не по тиражным соображениям, а по следующему поводу, высказанному ему в издательстве ЗИФ со всей откровенностью: «Вы не хотите откликаться эпохе и, в наших лицах, эпоха Вам мстит»⁵¹. Верный природе своего таланта, он пишет Горькому, что родился с одним голосом; им и только им он может петь: «Если бы альт мог петь басом, бас — тенором, а дискант — фистулой, тогда бы установился желательный ЗИФу унисон»⁵².

А. Грин ищет поддержки у М. Горького, который уже не раз выручал его в трудных ситуациях.

Таким образом, в 10-е и 20-е годы нашего века в литературной критике преобладало негативное отношение к творчеству А. Грина, обусловленное как непониманием сущности его романтической символики, так и причинами общественно-социального характера.

Но наряду с ним и вопреки ему исподволь складывалось иное представление о романтизме писателя. В меньшей мере в 10-е годы и в большей мере в первой половине 20-х годов критика предпринимает попытки объективно проникнуть в своеобразие гриновского пересоздания мира. Эти поиски не остались безрезультатными. Они наметили качественно новый подход к творчеству романтика. Уже в 30-е годы, отстраняя косные традиции, аналитическая мысль станет на путь пытливого изучения «явления Грина». Но первое широкое признание придет к художнику только после его смерти.

---

⁵⁰ ЦГАЛП, А. С. Грин, ф. 127, оп. 1, ед. хр. 161. Из письма трудно определить, какой журнал задерживал рассказ.

⁵¹ Архив А. М. Горького, шифр КГ-П, 22-3-8.

⁵² Там же.

*Кафедра русской и зарубежной
литературы Запорожского пединститута*
